

ГЕОРГИЙ БАЖЕНОВ

**СМЕРТЕЛЬНЫЙ
ЛЮБОВНЫЙ
ТРЕУГОЛЬНИК**

РОМАН-ТРИПТИХ

Москва
«Книга по Требованию»
2014

ББК 84(2Рос-Рус)6

Б 16

Баженов Г. В.

Б 16 Смертельный любовный треугольник. *Роман-триптих*. — М.: Книга по Требованию, 2014. — 304 с.

ISBN 5-7117-0112-6

Любовь всегда переплетается в книгах Георгия Баженова с мотивами предельного жизненного напряжения, нередко — со смертельным исходом. Три истории о любви, как истории загадочного смертельного треугольника, — таков основной нерв блистательного романа Георгия Баженова.

Читайте и наслаждайтесь, дорогие друзья.

ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 5-7117-0112-6

© Баженов Г. В., 2006

© Оформление. Издательство
«Книга по Требованию», 2014

История первая

ЛОВУШКА ДЛЯ АДАМА И ЕВЫ

Стыдно признаться, а
грех потаить: бывали такие
случаи...

А.Ф. Писемский

Егор глазам своим не поверил: в черемуховых кустах, у самой воды, прятался красный «Москвич»! Бесшумно, как осторожный зверь, Егор юркнул в густоту окружающих зарослей, присел на корточки и, невольно сдерживая дыхание, начал пристально наблюдать за «Москвичом». В машине, однако, не было заметно никаких признаков жизни.

С реки, с крутой ее излучины, дымно клубился туман; и «Москвич», облитый утренней росой, казался нереальным в белесости тумана, казался красным расплывшимся пятном.

Здесь, на изгибе Чусовой, у Егора стояло обычно по две-три вёрши, на разной глубине, и не было дня, чтобы в них не трепыхались то серебристые

язи, то крупная плотва, а то широкие подлещики с какой-нибудь мелочью вдобавок: окушки с ершами или неожиданный елец. И вот...

Какое-то время Егор прятался в зарослях лесной чащобы, потом мягко, как кошка, начал ввинчиваться в прогалы кустов, тихо-незаметно приближаясь к «Москвичу». Подкравшись совсем близко, он привстал на цыпочки и заглянул в заднее окно, тут же отпрянув от него: там, в машине, полулёжа, спали в обнимку мужчина и женщина.

«Вас тут только не хватало...»

Егор так же мягко-осторожно, как прежде, вильнул в кусты и вскоре выбрался на тропу, по которой недавно вышел к излучине Чусовой. «К жерлицам, может, сходить? Там проверить?» Но махнул рукой: утренняя ранняя зорька была испорчена...

Проснувшись, Катя тихонько и нежно, как только могла, выскользнула из-под обнявшей ее, отяжелевшей за ночь руки; но только хотела открыть дверцу, как Георгий прошептал:

— Не уходи... — и улыбнулся сонной, детски незащищенной, как бы слегка обиженной улыбкой.

— Здравствуй! — Она ласково поцеловала его в щеку. — Доброе утро, засоня! Проснулся?

— Не уходи... — Он потянулся к ней, обнял и обнимал так крепко, словно боялся, что кто-нибудь чужой может отнять ее у него.

— Посмотри, какое утро! — Она кивнула за окно, и улыбнулась, и негромко засмеялась.

Он открыл окно. В самом деле — вокруг было удивительно: дымящаяся туманом река, изумрудная зелень черемухи по берегам и залитая утренней моросью лужайка перед окнами машины.

— Как странно, — еле слышно проговорил он.

— Что странно? — Она вновь поцеловала его — на этот раз в слабо шевелящиеся, шепчущие губы.

— Странно, — повторил он. — Это все с нами происходит? Это не сон, Катя?

— Нет, не сон. Мы проснулись. Это жизнь, Гоша. Это наша с тобой жизнь.

— И мы никому ничем не обязаны?

— Пойдем лучше умываться, философ. Не надо ни о чем думать. Мы вместе. Мы вдвоем. — Она нажала мизинцем на кончик его носа: — Би, би, приехали, Гоша! Проснись!

— Знаешь, я люблю тебя, — сказал он. И улыбнулся. И потянулся к Кате поцеловать ее.

— А я тебя нет, — нарочно, чтобы подразнить его, сказала она и рассмеялась.

— Как быстро проходит любовь! — И в улыбке его неожиданно скользнуло что-то грустное, задумчивое...

— Знаешь, что быстро проходит? Слепой дождь. А любовь не проходит никогда. Разве ты не слышал об этом, Гоша?

— Ну, и кто же из нас философ?! — На этот раз они рассмеялись вместе и так, смеясь, выбрались из машины.

И правда: как свежо, как тихо, как первозданно было вокруг; ночью, когда они свернули сюда с городского шоссе, все представлялось совсем иным: и река была черна — даже под светом фар, и лес шумел угрюмо, зловеще, и даже прибрежные заросли черемухи, куда они уткнулись капотом машины, казались огромной паутиной, в которой уж не запутались ли они? И тогда, ночью, Катя предложила не выходить из «Москвича», а дожждаться утра в машине...

И вот — такая, оказывается, благодать кругом! Катя скинула босоножки и побежала по лужайке к реке, и тугая роса брызгала из-под ее ног во все стороны серебристо-прозрачным веером. И удивительно: в этот именно миг над излучиной Чусовой загорелся тонкий окраешек солнца, и туман на реке как бы зашипел-заклубился недовольно, будто не хотел уступать рассвету и солнцу ни этого утра, ни этой благодатной сокровенности природного царства.

Георгий быстро сбросил с себя брюки и рубашку и, обгоняя Катю, со всего разбега врезался в реку, нырнув в ее воды с головой. Только брызги полетели по сторонам!

— А я? А меня? Ах ты... — И Катя, бормоча притворно-рассерженные слова, в одну секунду скинула легкий сарафан и бросилась вслед за Георгием.

Ох, вода обжигала холодом! Но это только в первый миг, в первое касание с рекой, а затем горячая ласковая пелена обволакивала все тело,

и оно, словно охлѣстнутое печным глубоким теплом, как если бы парился в деревенской баньке, занималось ровным внутренним жаром.

Они плыли тихо, неторопливо, размеренным брассом, плыли навстречу восходящему солнцу; туман плавился и редел, и они уже хорошо различали не только противоположный берег реки, но и далеко раскинувшиеся забережные луга, густо заросшие травой, девственные луга. А потом, когда устали, они легли на спину, и слабое ровное течение реки медленно сносило их вниз, разворачивая на излучине и неспешно прибывая к нужному им берегу.

Уставшие, счастливые, они выбрались на луг, который — удивительно — был сух теперь от росы, будто не только что, ну, скажем, полчаса назад не он именно блистал росной влагой, — такое уже поднялось солнце, таким горячим и даже жгучим теплом опахнуло оно луговые травы! И кусты черемухи не изумрудно-влажно, а матово-свежо светились на солнце, и даже красный их «Москвич» не блистал росой, а горел ровным сухим гляncем.

Уснула ночь — здравствуй, утро!

И как странно, как неожиданно враз почувствовали они в себе сосущее нетерпение голода: сколько же они не ели? Пожалуй, со вчерашнего полудня.

— Будем делать костер? — обнимая Катю, спросил Георгий на всякий случай: может, она так голодна, что и костра не сможет дожидаться?

Хотя костер легко было сделать: на полянке виднелся кружок золы от чьего-то прежнего кострища, да и кое-какие дровишки лежали рядом.

— Конечно, костер, да, да! — кивнула Катя. — Ух, я проголодала-а-ась... — И улыбнулась. — Но я хочу костер, костер, Гоша!

Через пятнадцать минут в котелке кипела речная чистая вода, варились сосиски, которые Катя так предусмотрительно захватила из Москвы; после сосисок, ополоснув котелок, вскипятили свежей воды и заварили душисто-ароматный и терпкий индийский чай.

— Оказывается, ты вон какая практичная женщина! — то ли шутя, то ли всерьез восхитился Георгий.

— А ты гол, как сокол! — в том же тоне парировала Катя.

— Как сокол! — переиначил он, и это показалось им неожиданно смешным и забавным, и они в который раз за это утро радостно рассмеялись.

В самом деле, на сегодняшний день Георгий оказался гол, как сокол: все, что у него было в прежней жизни, осталось в Москве: и квартира, и жена, и дети; единственное, что имелось, — старый «Москвич», оттого и уточнение показалось смешным: «Не гол, как сокол, а как — сокол!» (Хоть «Москвич» остался...)

Впрочем, тут нет ничего удивительного — именно так они и порешили с Мариной: пусть на все четыре стороны катится на дряхлом «Москвиче» («Подавись им!»), но квартира и все, что

накоплено за совместную жизнь, — ей и детям: «Надеюсь, ты не против?» Конечно, он не был против. Он сел в машину, посадил в нее Катю и отправился в Свердловск. Навсегда. В Катину однокомнатную квартиру. Ехали уже три дня; осталось немного, но тут настигла в пути последняя ночь, и они решили свернуть с городского шоссе вот сюда, к Чусовой, переночевать у реки.

После завтрака лежали на траве, болтали, мечтали... Вся ложь жизни осталась позади, впереди — только любовь и правда, правда и любовь, но ведь за это они так упорно боролись и столько перемучились... Господи, какое счастье, что выстояли, выдержали все: от непонимания и удивления, до презрения и ненависти знакомых, близких и родных, — а теперь... Как хорошо теперь вдвоем, навеки, навсегда, на всю оставшуюся жизнь!

Лежа на животе, блаженно уронив голову на вытянутые вперед руки, Катя неожиданно увидела ну точно перед самым носом спелую крупную землянику; Катя чуть подтянулась на руках и ухватила мягкую сочную плоть губами, разом почувствовав во рту горьковато-зернистую сладость и терпкость ягоды. И тут она увидела еще землянику, и еще, и еще...

— Гоша! — воскликнула Катя. — Ты посмотри: мы лежим в земляничном царстве!

Георгий, задремав после сытного завтрака, заполошно встрепенулся.

— Где? Что? Что ты говоришь?

— Да вон, смотри: земляника! И вон там, и вон дальше, и вон еще, везде, везде, ой, Гоша, сколько ее!

— И правда, — удивился Георгий. — А мы и не заметили.

— Давай наберем земляники? Представляешь, приедем в Свердловск, а у нас — целое ведро ягод! Наварим варенья, а можно немного и засушить земляники — знаешь, я помню, бабушка всегда держала в кладовке сушеную землянику (первое средство от простуды!), или просто закатаем землянику в банки — в собственном соку, а?!

— Ну уж ведро-то нам не собрать, — засомневался Георгий. — Земляника — ягода трудная.

— Да сколько наберем! Какая разница? Вся наша будет.

И они, захватив небольшое ведерко (ведерко нес Георгий, а Катя взяла эмалированную кружку) стали все дальше уходить от «Москвича» в лес. Все побережье Чусовой заросло черемушником, но чем дальше от берега, в глубь леса, тем больше высилось прекрасных строевых сосен, а кое-где по опушкам открывались чистые березовые рощицы; так и перемежался лес: то сосна, то береза, а то и небольшой ельничек — видать, лесничьи посадки. День стоял светлый, сухой, солнечный, ни комаров, ни мух, ни слепней — удивительно! — и ходить по лесу было одно блаженство и удовольствие. Иной раз — в виде больших разноцветных ковров — попадались по-